

Или:

Это кто стрелой из лука
Прострелил головку лука?!
Я ни слова, как немой,
Словно выстрел был не мой.

(Я. Козловский)

А вот маленькое (да удаленькое) стихотворение Владислава Бахревского: «Говорит попугай попугаю: «Я тебя, попугай, попугаю!». Попугаю в ответ попугай: «Попугай! Попугай! Попугай!». И одинаковость рифмующихся слов вовсе не делает здесь рифму скучной, бедной; наоборот – такое созвучие вы-

глядит неожиданным и остроумным, поскольку читатель сразу понимает, что перед ним не одно и то же, а разные слова, да ещё и относящиеся к разным частям речи.

Кстати, некоторые отдельно взятые слова способны выступать и в качестве омонима, и как омограф. Взять, к примеру, слово «стрелки», в котором ударение может падать и на первый, и на второй слог.

Разумеется, чтобы сразу понять шутку, построенную на омонимах, нужно значение конкретных совпадающих по написанию и произношению слов держать в памяти.

96

Косматый облак, или Ошибка ошибке рознь

к вопросу об авторской глухоте

ОШИБКИ в литературных текстах, в том числе в произведениях писателей прошлых эпох, включая классиков, бывают разные.

Фактологический не избежал, вероятно, никто. Вот строки А. К. Толстого: «В небе крик орлиных стай // Волчий голос в поле».

(Между тем орлы – одиночки и стаями не летают); герой рассказа И. С. Тургенева «Переписка» весной 1840 года цитирует Афанасия Фета: «Облаком волнистым // Пыль встаёт в дали // Конный или пеший // Не видать в пыли...». (Эти стихи Фет написал только в 1843-м); у гоголевского Чичикова в бытность его ребёнком (в конце XVIII века) был учитель, не любивший басен Крылова. Но Крылов известность как баснописец получил лишь в 1805 году, когда Чичикову по любым расчё-

там было уже не меньше двадцати пяти лет...

Не менее многочисленны сюжетные «ляпы»: путаница с именами героев, их возрастом, с датами и самим характером эпизодов его жизни. Например, в одном из романов известного писателя XIX века Даниила Мордовцева неожиданно оживает герой, на предыдущих страницах уже умерший; у Льва Толстого в повести «Дьявол» баба-крестьянка, любовница молодого барина вначале была Пчельниковой, а потом по ходу повествования превратилась в Печникову.

Но сегодня мы поговорим прежде всего о погрешностях собственно языковых, то есть грамматических, лексических, орфографических и т. п. Причём не об ошибках намеренных, возникающих, когда автор стилизует язык произ-

ведения под говор северных деревень (как Степан Писахов) или под речь не самых образованных городских обывателей (как Михаил Зощенко), а о «нечаянных», то есть подлинных.

Не могу здесь не процитировать известные строки Пушкина из «Евгения Онегина»:

**Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю...**

Разумеется, Александр Сергеевич совершенно не был сторонником неграмотности. Целью этих иронических пушкинских строк была скорее всего нарочитая, начётническая грамотность, свойственная некоторым образованным светским дамам и приводившая их как читателей к неумению «за деревьями видеть лес».

Означает ли присутствие ошибок в классической литературе, что в наши дни она должна быть переоценена? Совершенно не означает. Никто не собирается оспаривать её высокое достоинство. Но и у самого большого мастера бывают погрешности. Тем более что материал, с которым они работают, а именно язык – явление сложное и часто послушное автору не более, чем древесина южноамериканского квебрахо (как известно, чрезвычайно твёрдая) руке резчика.

Иногда погрешности текста – следствие простого недосмотра (например, у Куприна в первых изданиях «Поединка» голубь летит, неся письмо госпожи Петерсон «в зубах») или, наоборот, результат чрезмерного его погружения в материал (когда писателя занимает только содержательная сторона сюжета, и он как бы «забывает о мелочах»).

При этом нельзя не оговориться, что авторская формулировка нередко лишь кажется читателю ошибочной, потому что этот последний недостаточно осведомлён. Взять, к примеру, «хрестоматийную оплошность» Достоевского в «Преступлении и наказании» при описании квартиры старухи-процентщицы – выражение «круглый стол овальной формы» (которое писатель, кстати, от-

казался исправлять). Но в те времена при продаже мебели именно это словосочетание украшало собой ценники; имелось в виду, что данный круглый стол легко делается овальным за счёт приложенной к нему вставки. Так что ошибка ошибке рознь. Аналогичный пример – глагол «танцовать», нередкий у того же Льва Толстого (в «Войне и мире»: «Мама велела вас просить танцовать»). Здесь всё правильно или по крайней мере было правильно до начала XX века. Формально этот вариант написания отменили только в середине прошлого столетия.

Но бывает, что писателям, даже самым замечательным, действительно не хватает либо грамотности, либо простой внимательности. Известно, например, что Маяковский был не в ладах с пунктуацией, и запятые в стихах ему расставлял Осип Брик. Распространённая ошибка, над которой посмеивался Чехов в «Жалобной книге» – неуклюжее употребление деепричастного оборота (помните: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа») – встречается опять же и у Льва Толстого. В «Воскресении» читаем: «Прокричав эти слова, ему стало стыдно...», а в «Юности» – «Вообразив себе, что трубка для меня смертельна, мне показалось, что я умираю», «Проснувшись на другой день, первою мыслию моею было приключение с Колпиковым». (Исследователи творчества писателя видят здесь влияние французского языка, где такая конструкция возможна).

Не менее заметная оплошность – смешение устойчивых оборотов речи. Андрей Белый, статья «Магия слов»: «...Кажущееся неразвитому уху нелепым упражнению духа в звуковом сочетании слов играет огромное значение». Это та самая ошибка, от которой часто предостерегают школьники учителя: перепутаны два выражения – «играть роль» и «иметь значение».

Неправильное или неточное словоупотребление – ещё один вариант авторской погрешности. Например, у Радищева: «Большая половина но-

вых воинов умирали от небрежения начальников или ненужных и безвременных строгости». А ведь половины по определению одинаковы, среди них нет больших или меньших. То же отступление от логики можно встретить у современников автора «Путешествия из Петербурга в Москву» – Николая Новикова, а также Ивана Крылова.

Лермонтов порой весьма вольно обращался с падежами существительных. Приведём начало его знаменитого стихотворения 1840 года:

**Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волнения
Внимать невозможно.
Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слёзы разлуки,
В них трепет свиданья.
Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рождённое слово...**

Строка «Из пламя и света» содержит очевидную ошибку в склонении. Но стихи были так хороши, что издатели печатали их невзирая ни на что. Кстати, подобные вольности поэт допускал не раз: например, в поэме «Сашка» читаем: «...в его кудрях волнистых // Не выглянет до время седина».

Ещё одна часто встречающаяся оплошность – непродуманный синтаксис, позволяющий понять фразу и так, и эдак. Обычно как образец такой погрешности текста приводится что-нибудь вроде «Катя вошла в комнату, где ждала тёплая компания. Она была весела». Мол, вот и решайте сами, кто именно был весел. А вот пример из «Евгения Онегина»:

**Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры.**

У литературоведов даже есть название для неловкого оборота, подобно палиндрому читающегося в обе стороны, – амфиболия.

В заключение ещё раз скажем, что довольно часто суждения потомков по поводу ошибок классиков (да и современников) сами бывают ошибочны. Когда-то пародист Александр Иванов, полагая, видимо, что слово «облако» относится исключительно к среднему роду и иных форм не имеет, осмеял в телепередаче поэтическую строчку «Косматый облак надо мной плывёт». И чего только не было в его пародии – и «весёлый птичек», и «кепк, надетый набекрень», и «мой стихотворень». А между тем «облак» – старое и вполне себе нормальное русское слово, присутствующее, например, в ершовском «Коньке-горбунке». Так что тому, кто обнаруживает вдруг в классическом произведении орфографическую, стилистическую или ещё какую-нибудь погрешность, стоит хорошенько подумать: а не глядит ли он на данную особенность текста, что называется, «с высоты собственного невежества»?

Особенно если речь идёт о тех писателях, для авторитета которых эти мнения уже мало что значат. Даже если погрешность действительно имеет место. Крылов, который, как известно, за словом в карман не лез, мог бы ехидно процитировать в ответ – посмеиваясь одновременно над собой и над оппонентом – собственную басню: «*Орлам случается и ниже кур спускаться // Но курам никогда до облак не подняться*». Кстати, «облак» здесь – тоже не ошибка.

Закончу всё же Михаилом Лермонтовым:

**И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте...**

Заметим, что грива растёт только у льва и не на хребте, а на шее.

Подобные стилистические и смысловые ошибки в художественных произведениях обозначаются условным термином, предложенным М. Горьким, – «авторская глухота».

